

ПОЛЕМИКА ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ

Публикация И. С. Миллера и М. Куна (Будапешт)

Публикуемое ниже письмо М. А. Бакунина к неизвестному поляку органически примыкает к полемике русской революционной эмиграции в Лондоне с теми из польских политиков, которые не разделяли ее принципиальных взглядов на русско-польский союз.

Несмотря на расхождение по ряду вопросов, большинство эмигрантов-поляков, принадлежавших к различным фракциям, до восстания 1863 г. относилось к русским изгнанникам — и прежде всего к Герцену — с явной симпатией. Большим уважением пользовался и М. А. Бакунин. Польская общественность не забыла его знаменитого выступления в Париже 29 ноября 1847 г. на собрании в память семнадцатой годовщины польского восстания 1830 г. Тогда он предсказывал, что близок «великий день примирения», когда русские и поляки, «объединенные (. . .) одними и теми же чувствами, борющиеся за одно и то же дело и против общего врага, будут вправде запеть вместе (. . .) национальную польскую песнь (. . .), гимн славянской свободы „Еще польска не сгинела!“» (М. А. Бакунин. Собр. соч., т. III. М., 1935, с. 279). Неудивительно, что в годы, когда Бакунин томился в тюрьмах и в ссылке, о нем тепло вспоминал патриарх польской эмиграции И. Лелевель (см.: «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III. М., 1958, с. 606) и что газета «Demokrata Polski» приветствовала удачный побег Бакунина из Сибири. К конструктивному сотрудничеству с издателями «Колокола» и Бакуниным призывали даже консервативно настроенные польские эмигранты, в большинстве случаев не ставя под сомнение их искреннее желание помочь Польше обрести независимость.

Вот почему резким диссонансом прозвучало присланное в «Колокол» открытое письмо анонимного польского политика в адрес «всех российских публицистов, пишущих о Польше, и прежде всего Бакунина». Поводом для этого полемического выступления была статья Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», которая была напечатана в прибавлении к л. 122-123 «Колокола» от 15 февраля 1862 г.

Неизвестный корреспондент познакомился со статьей не в оригинале, а по французскому переводу *. Особенно возмутило его несогласие Бакунина с территориальными претензиями сторонников восстановления «великой Польши». «Они не удовлетворяются одним Царством Польским, — предсказывал Бакунин, — изъявляя исторические притязания на Литву, Белоруссию, даже включая Смоленск, на Лифляндию, Курляндию и на всю Украину, включая Киев... — Я думаю, что поляки делают большую ошибку, ставя вопрос таким образом», — заключал он.

Бакунин навлек на себя гнев автора письма и советом руководителям польского национально-освободительного движения разрешить не только национальный, но и социальный вопрос путем отказа от «исторического права» и шляхетских привилегий. Автор письма — вольно или невольно — придал противоположный смысл следующему высказыванию Бакунина: «... между Россией и Польшею должна существовать отныне только одна борьба, борьба притягательной силы той и другой, на живущие между ними народы. Чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут. Итак, весь вопрос о границах возвращается к тому ж: что прежде осуществится: *Хлопская Польша* или *Крестьянская Россия*? Дай бог, чтоб они осуществились вместе и чтоб между нами было не Апеллесово и не Павлово, а Христово, т. е. *Общеславянское дело*».

В последних словах — один из основных тезисов не только Бакунина, но и Герцена и Огарева: русско-польский революционный союз, по их мнению, должен был стать основой «вольного единения» всех славянских народов или даже всех наций, живущих на территории Восточной Европы.

* Эта статья Бакунина была издана в виде брошюры в том же 1862 г. под названием «*A mes amis russes et polonais*». Возможно, однако, что «неизвестный поляк» пользовался не этой брошюрой, а каким-то другим, искаженным переводом — быть может, даже рукописным.

Статья Бакунина обрывается на середине. Вторая часть ее не была напечатана (а может быть, и вообще осталась ненаписанной вследствие несогласия Герцена с ее содержанием). Но о возникших между Герценом и Бакуниным трениях, которые закончились разумным компромиссом и определили их дальнейшие отношения как «дружеское и союзное возле», польский оппонент Бакунина не знал да и не мог знать. Не соглашаясь с выдвинутой Бакуниным на передний план славянской федералистской концепцией, Герцен не заявил об этом печатно, а, получив публикуемое ниже письмо «г. поляка», уже самым отказом напечатать его продемонстрировал своего рода солидарность с Бакуниным. Через несколько дней Бакунин узнал о присылке в редакцию «открытого письма» и попытался урегулировать этот острый спор путем личной переписки, разъясняя попутно свой взгляд на принципиальные вопросы русского революционного движения.

Письмо Бакунина, воспроизводимое нами в русском переводе, отражает его взгляды, сложившиеся к этому времени. В нем особенно обращает на себя внимание реалистическая оценка еще ограниченных возможностей русского революционного движения, так же как сил царизма. Следовательно, перед нами не только «увлекающийся» Бакунин, столь пластично обрисованный в «Былом и думах» (XI, 353—374), но и трезво мыслящий политик. Укажем и на большое сходство между федералистской концепцией Бакунина в его предложении о преобразовании Российской империи и плана, который был разработан Огаревым и пропагандировался им во время первой русской революционной ситуации (1859—1861).

Дошло ли это письмо Бакунина до адресата? Вопрос остается невыясненным. Во всяком случае, пропольская позиция русской революционной эмиграции, о которой «г. поляк» мог судить даже при незнании русского языка по статьям франкоязычной и эмигрантской польской прессы, не изменила его взглядов. Получив от него новое письмо, датированное 28 августа, издатели «Колокола» сочли уже нужным придать полемике публичный характер. Их ответ, написанный в весьма резком тоне («Ответ г. поляку» на статью и письмо» — «Колокол», л. 144 от 8 сентября 1862 г.), свидетельствует о том, что, хотя Герцен, Огарев и в меньшей мере Бакунин, с одной стороны, прилагали все старания и усилия для заключения союза с поляками, основанного на равноправии, «на совокупном, братском действии против петербургского деспотизма», они в то же время исключали из рядов своих потенциальных союзников-политиков, раздувающих «чувства племенной ненависти и родственной вражды» (XVI, 243—244).

Письмо печатается впервые по автографу ГИМ, ф. 282, ед. хр. 344, л. 53—54 об.

Перевод с французского *:

1 июня 1862 г. Лондон
10, Paddington Green

Милостивый государь,

Произошло явное недоразумение. Герцен, позабывший показать мне письмо, о котором идет речь, был единственной причиной... Впрочем, я на это не сетую, поскольку это предоставило мне возможность возобновить знакомство с вами¹. Пользуюсь этим, чтоб объяснить по поводу другого недоразумения, более существенного, чем первое, и которое, по-видимому, изрядно пустило корни в отношениях между вашими соотечественниками и мной. С чего вы взяли, будто я хочу свести Польшу к границам королевства 1815 г.? Неужели из моей единственной статьи в «Колоколе»? Но соблаговолите, милостивый государь, перечитать ее, и я ручаюсь, что вы не сможете указать мне ни единого слова в подтверждение вашего обвинения, которое я позволю себе расценить как несправедливое, поскольку твердо уверен в том, что там мною ясно выражено нечто прямо противоположное. В этой статье я лишь оспаривал так называемое историческое право и сделал это из двух важных соображений: признав его, я должен был бы признать прежде всего право Германской империи, или, если вам угодно, Германского союза, на Чешское королевство, так же как право венгров на венгерских славян. Затем я был бы вынужден отказаться от высшего принципа свободы народов, который никогда не должен зависеть от превратностей истории. Свобода во всех

* Перевела Т. Л. Гутман.

ее проявлениях и со всеми ее суровыми последствиями — вот мой и, надеюсь, также ваш лозунг, милостивый государь. То, что области некогда польские, а теперь включенные в состав Российской империи стремятся вновь раствориться в польской централизации, что они возвратятся в нее одна за другой в результате стихийного и свободного волеизъявления населения, как только будет дана свобода действий, мы находим вполне справедливым. Но если они будут принуждены к этому только по той причине, что некогда составляли часть польской короны, — было бы несправедливо, да и не может быть сделано. Таким образом, весь вопрос сводится к следующему: пожелают они или не пожелают? — Для того чтоб они пожелали, отнюдь не достаточно польских чувств (в которых никто не сомневается) мелкого и крупного дворянства, представляющего собою ничтожное меньшинство, едва ли десятую часть всего населения. Нужно еще, чтобы эти чувства разделял народ, хлоп, а на Украине это по меньшей мере весьма значительно. Все, следовательно, зависит от того, насколько *шляхта* полна решимости, ценою *больших жертв*, отвоевать симпатии и доверие народа, утраченные ею из-за ее собственных ошибок, от ее *исторических* преступлений. По моему мнению, так же как в России, надо, чтобы польское дворянство стало народом для того, чтобы народ за ним последовал, — это будет, без сомнения, огромная жертва с его стороны, жертва блестящим прошлым, но это явится и началом блестящего будущего. Такова, милостивый государь, единственная в полном смысле слова «*chlopska Polska*»*, за которую вы меня упрекаете. Но, употребляя этот термин, я не имел в виду ничего другого. Знаете ли вы, милостивый государь, что, если бы мы были врагами вашей родины, как вам это кажется, мы были бы в восторге, видя, как огромное большинство вашего дворянства убаюкивает себя гибельными иллюзиями. Но именно потому, что мы являемся искренними друзьями Польши и хотим видеть ее великой, свободной, могучей, счастливой, мы испытываем еще потребность воскликнуть, подобно императору Александру, но с совершенно иным намерением: «Никаких мечтаний!»²

Знаете ли вы, милостивый государь, что поляки и русские, мы находимся в положении не просто различном, но диаметрально противоположном: ваше существование как нации подавляется чудовищным насилием трех иностранных держав, и вы стремитесь, естественно, к восстановлению могучего централизованного Польского государства. Мы же, напротив, в течение полутора веков представляем собою могущественное государство, рабами которого являемся, и мы ненавидим эту централизацию, которая для нас означает рабство. Мы являемся социалистическими жирондистами³. Отнюдь не прославляя это чудовищное величие Российской империи, мы стремимся к его радикальному и полному уничтожению. Мы столь же страстно желаем его падения, как и вы сами, настолько мы убеждены, что там, где есть централизация, нет никакой возможности для свободы. Поэтому мы не только с легким сердцем отказываемся от претензий на Литву и Украину, но еще и надеемся, что сама Великороссия преобразуется в федерацию автономных областей. Вы, милостивый государь, впали бы в заблуждение, смешивая нас то с кн. <П. В.> Долгоруким, то с кн. Трубецким, который, по слухам, недавно выпустил брошюру по польскому вопросу⁴ и который, впрочем, не что иное, как аристократическое ничтожество без корней и без будущего в нашей стране, тогда как мы, милостивый государь, сознаем, что имеем за собой всю сильную и живую Россию.

И мы обращаемся к вам с чистой совестью, без задних мыслей и без мелочности, и, как я сказал уже, с глубокой симпатией к вашей достойной родине. Мы говорим вам: еще не приспело время созидать будущее, сначала нужно заняться разрушением. Наш общий враг — а это не только император, но и Российская империя — еще не повержен. Он силен, а мы относительно слабы. Объединив наши усилия, мы станем сильнее. И это будет обоюдной ошибкой, если мы не подадим друг другу руки. Но ошибка эта по крайней мере будет совершена не нами,

* «крестьянская Польша» (польск.).

А теперь, милостивый государь, еще раз умоляю вас перечитать наши статьи в «Колоколе». Невозможно, чтоб вы не нашли там те же мысли... Мне говорили, что статью перевели на французский язык и что этот перевод находится в Париже⁵. Я был бы вам весьма обязан, милостивый государь, если бы вы сооблаговолили прислать мне один экземпляр.

Примите в то же время уверения в моем чувстве симпатии к вам.

М. Бакунин

¹ Упоминание о *возобновлении* знакомства дает основание предполагать, что анонимный польский корреспондент ссылался на свое знакомство с Бакуниным в 1840-х годах.

² Бакунин цитирует получившее широкую известность выражение Александра II на приеме представителей польского дворянства в Варшаве, которым он дал понять, что пресечет все попытки поляков осуществить свою национальную независимость (см. XIII, 564).

³ Имеется в виду противоцентрализаторская позиция жирондистов в годы нарастания Великой французской революции.

⁴ Брошюра кн. А. В. Трубецкого «La Pologne n'est pas morte» (Р., 1862).

⁵ Французский перевод статьи Бакунина был издан в том же 1862 г. в Лейпциге под названием «Моим русским и польским друзьям».